

ЭНДРЮ РОБЕРТС

ЧЕРЧИЛЛЬ И
ГИТЛЕР

Эндрю Робертс

Черчилль и Гитлер

Серия «Тайны лидерства»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9988723
Робертс, Эндрю Гитлер и Черчилль: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086967-1, 978-0-7538-1778-0

Аннотация

Адольф Гитлер и Уинстон Черчилль. Два правителя, стоявших у власти двух столь разных государств. Эпоха правления каждого из них – как бы ее ни оценивали – сыграла определяющую роль в дальнейшем развитии Германии и Великобритании – двух непримиримых противников во Второй мировой войне.

Что это были за личности? Какими были методы их правления? Какую роль они сыграли в истории своих стран и всего мира в целом?

На примере двух известнейших лидеров XX столетия британский историк Эндрю Робертс рассматривает проблему лидерства как феномен мировой истории.

Содержание

Введение	5
Классический пример лидерства	14
Гитлер и Черчилль: их актуальная значимость	32
Гитлер и Черчилль к 1939	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эндрю Робертс

Черчилль и Гитлер

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена никаким методом без предварительного письменного разрешения владельцев авторских прав.

HITLER AND CHURCHILL. SECRETS OF
LEADERSHIP

by Andrew Roberts

Впервые опубликовано издательством Weidenfeld & Nicolson в 2003, Лондон

© 2003, Andrew Roberts

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский
язык

Введение

Возможно, я ошибаюсь, но держу свои глаза открытыми, и эта ситуация огорчает меня. Будущее непостижимо, но ужасно. Вы должны поддерживать меня. Когда я не смогу уже кого-то сдерживать и контролировать, я больше не способен быть лидером.

«Саврола», Уинстон Черчилль

«Как один человек может увлечь за собой сотню других?» Таков был один из вопросов на вступительных экзаменах в Кембриджском университете, и хотя он долго занимал меня, мне понадобилось целых двадцать лет, чтобы попытаться найти на него ответ. А ведь этот вопрос является главным в изучении истории и цивилизации. Если бы один человек не мог подчинить себе сотню других, в мире не было бы войн, но также не было бы соборов, космических исследований и филармонических оркестров. Способность одного человека заставить сотню других выполнять его распоряжения является основным элементом, лежащим в основе всех коллективных действий людей, хорошо это или плохо. Так как же это происходит?

Можно было бы справедливо предположить, что если за прошедшие столетия политика и общество претерпели столь значительные изменения, то же самое произошло и с приро-

дой лидерства. После того, как в западной цивилизации аграрные общества, в основе которых лежала феодальная зависимость, сменили демократии, основанные на институте представительства, мы должны были бы начать руководствоваться совсем иными причинами к действию и повиноваться другим приказам. Поразительно, однако, то, что даже в век, считающийся искушенным и соответственно циничным, в минуты опасности боговдохновенное лидерство в значительной степени зависит от временной утраты доверия.

Об этом свидетельствует то, что язык лидерства за минувший период практически не претерпел изменений. Читая «Надгробную речь» Перикла, или речь Цицерона против узурпатора Катилины в 63 г. до н. э. «Находиться среди нас ты уже больше не можешь», или речь Джона Пима «Плач всей Англии», 1642 г., мы видим, что набор человеческих эмоций, к которым апеллируют лидеры, ограничен и удивительно постоянен. Если бы мы слушали этих ораторов сегодня, то, вероятно, были бы так же тронуты их речами, как и их тогдашняя аудитория. Этот набор эмоций можно позаимствовать, украсть, но главное, выучить. Целью этой книги является выяснить, как две абсолютно противоположных личности использовали этот небогатый лексикон, каждый по-своему, чтобы выиграть приз, который, как они оба прекрасно понимали, мог достаться только кому-то одному: победу во Второй мировой войне.

Когда в 1944 г. кинорежиссер Александр Корда захотел

проиллюстрировать британский дух сопротивления нацизму, он пригласил Лоуренса Оливье на роль Генриха V в одноименной пьесе Шекспира. Речь короля перед штурмом Арфлера откровенно напоминала речи, произносимые в тот год Черчиллем, хотя их разделяло более трех веков. Истинный лидер увлекает нас на путь, глубоко впечатавшийся в генах и душах каждого из нас. Если бы основные факторы лидерства не оставались неизменными на протяжении столетий, возможно было бы выучить и применить уроки прошлого в ситуациях, к счастью, не столь роковых, как те, с которыми пришлось столкнуться в 1939–1945 гг.?

Лидерство – как и смелость и даже искренность – находится вне понятия добра и зла. Адольф Гитлер был отважен и искренен, отстаивая свои убеждения, что не мешало им оставаться омерзительными. Изучать лидерские качества только тех людей, чьи действия вызывают одобрение, значит лишить себя возможности познакомиться с самыми влиятельными мировыми лидерами. Безусловно, величайший преступник современности, Осама бен Ладен, тем не менее, является лидером и заслуживает того, чтобы мы попытались выяснить, как ему удалось убедить такое множество людей нести вред и разрушения. Подобно фельдмаршалу Монтгомери, который во время кампании в пустыне возил с собой фотографию Эрвина Роммеля в рамке, мы должны постараться изучить лидерские приемы нашего врага, чтобы, в конце концов, победить его.

Наш мир еще хранит черты, которые он приобрел после объявления мира в 1945 г. Великие державы, позволившие России и странам Восточной Европы свергнуть коммунистические режимы в 1989–1991 гг., во многом остались такими же, какими были, когда в конце войны в Сан-Франциско была создана Организация Объединенных Наций. За исключением уменьшения границ Югославии – что не привело к каким-либо конфликтам за ее пределами – ни одна из европейских границ не претерпела изменений. Если считать действия ООН в Корее операцией по наведению порядка, то великие державы не вступали непосредственно ни в какие военные действия между собой, кроме войны между Китаем и Индией в 1962 г. Таким образом, за прошедшие шестьдесят лет Европа изменилась меньше, чем за тот же период на любом отрезке исторической шкалы, начиная с эпохи раннего Средневековья. Процесс деколонизации начался еще до того, как Уинстон Черчилль подал в отставку в 1955 г., и вернись он сегодня на землю, начальники штабов незамедлительно учинили бы ему допрос о нынешнем состоянии планеты. Гитлер – Сатана, забыть о котором мы не можем забыть, – попросил бы объяснить произошедшее с Хиросимой и Нагасаки, но в остальном ему все было бы понятно. В конце концов, находясь в бункере, он предсказал, что главными победителями после его кончины станут Америка и Россия, и хотя известие об объединении Германии, возможно, ненадолго обрадовало бы его, тот факт, что оно прошло столь

мирно и демократично, как водится, привел бы его в ярость. Уроки и наследие 1939–1945 гг. до сих пор оказывают влияние на наш мир. Продолжающееся влияние Гитлера и Черчилля на нашу жизнь неоспоримо. Если не брать во внимание Саддама, Запад сейчас наслаждается теми «широкими, залитыми солнцем высотами», которые Черчилль обещал нам и которые Гитлер так упорно старался разрушить.

О том, что Черчилль до сих пор считается воплощением смелого лидера, свидетельствуют неизгладимые последствия атак на США, предпринятых Аль-Каидой 11 сентября 2001 г. В час боли и испытаний американцы снова и снова обращались к его примеру, чтобы выразить переживаемое ими глубочайшее чувство потери, непримиримости и решимости. В ситуации, которую можно было бы назвать по заглавию одной из его книг, Черчилль снова предстал одной из крупнейших фигур. В 2001 г. в своем послании «О положении в стране» президент Джордж Буш, говоря о террористических актах в отношении Америки, сказал: «Мы не устанем, мы не будем колебаться, и мы не подведём». Это осознанное подражание обращению Черчилля к американским слушателям, с которым он выступил по радио в феврале 1941 г.: «Мы не подведём и не закачаемся. Мы не ослабнем и не устанем». В своей речи, обращенной к выжившим после атаки на Пентагон 12 сентября, которую он произнес сразу после того, как погибли многие из их товарищей и коллег, министр обороны США Дональд Рамсфелд сказал: «В

минуты величайшей опасности для своей страны Уинстон Черчилль говорил о самых славных моментах в ее истории. Вчера был нанесен удар по Америке и самой идее о человеческих свободах». Впоследствии Рамсфелд неоднократно возвращался к личности Черчилля и, выступая в августе следующего года перед тремя тысячами морских пехотинцев в Калифорнии, сказал, что между дипломатической изоляцией США, вызванной предстоящей войной с Ираком, и одиноким сопротивлением Черчилля попустительству Германии в 1930-х гг. есть прямые параллели. Все, что я читал о «годах пустынного одиночества», привело меня к мысли, что такие параллели действительно существуют.

Когда президент Буш посетил в ходе своего визита в Лондон в 2001 г. «военный кабинет», он назвал Черчилля «настоящему обаятельным лидером» и обратился к британскому посольству в Вашингтоне с просьбой установить в Овальном кабинете его бронзовый бюст работы Эпштейна¹. (Рональд Рейган уже повесил портрет Черчилля в оперативном штабе Белого дома). Сегодня, даже спустя тридцать семь лет после смерти, Черчилль помогает найти нужные слова для обозначения духа открытого сопротивления, который Америка желает продемонстрировать остальному миру. «К Уинстону Черчиллю и его высказываниям постоянно обращаются, и они неизменно встречают одобрение», – писала «Boston Daily Record», а когда президент посетил эпицентр

¹ Christopher Hitchens, Atlantic Monthly, April 2002, p. 121

взрыва на Манхэттене, это вызвало сравнение с призванными поднять моральный дух посещениями премьер-министром Вест-Энда во время воздушных налетов. Во время подготовки войны в Ираке стало известно, что президент читает книгу под названием «Высшее командование: солдаты, политики и руководство в военное время» американского ученого Элиота Коэна, одна из глав которой посвящена взаимоотношениям Черчилля с начальниками штабов². (На более приземленном уровне комик Джим Кэрри процитировал Черчилля, передавая в благотворительный фонд помощи семьям жертв терактов 11 сентября чек на миллион долларов).

На чрезвычайно трогательной церемонии, организованной с целью побудить нью-йоркских пожарных занять места их погибших коллег, мэр Джулиани процитировал Черчилля и заслужил от «Washington Post» прозвище «Черчилль в бейсболке». (На самом деле это сравнение не такое уж голословное, поскольку Черчилль любил носить эксцентричные и порой немного странные головные уборы). Когда он посетил Великобританию в феврале 2002 г., мэр Джулиани сказал Элис Томсон из «Daily Telegraph»: «Черчилль учит меня, как вернуть бодрость духа нации, переживающей не лучшие времена. После терактов я беседовал с ним. В самые трудные дни Битвы за Англию Черчилль ни разу не вышел из дома на Даунинг-стрит со словами: “Я не знаю что делать” или “Я растерян”. Он всегда появлялся, имея наготове указание или

² Daily Telegraph, 29 August 2002

распоряжение, даже если ему приходилось лукавить»³.

«Даже если ему приходилось лукавить». Один из вопросов, рассматриваемых в этой книге, – необходимость для Черчилля большую часть времени между завершением эвакуации из Дюнкерка 3 июня 1940 г. и вторжением через год с небольшим Гитлера в Россию 22 июня 1941 г. регулярно делать хорошую мину при плохой игре. Произнося в этот период свои вдохновенные речи, Черчилль на самом деле не знал, каким образом удастся победить Германию. Умение выдавать желаемое за действительное иногда является важной частью руководства, но как писал Св. Павел в своем первом послании к коринфянам: «Если сигнал трубы звучит неуверенно, кто станет готовиться к бою?» Уверенность Черчилля передавалась британскому народу, даже когда в 1940 г. сложно было понять, как выиграть эту войну.

Хотя до и особенно после войны Черчилль, находясь на том или ином государственном посту, предпринимал разочаровывающие шаги, в те роковые месяцы 1940–1941 гг. и до конца войны в 1945 г. он демонстрировал героические качества подлинного лидера нации. В основе этого лежала такая ошеломляющая своей смелостью уверенность, что, если бы его правота не подтвердилась последующими событиями, ему, возможно, грозил импичмент. (Конечно, если бы ситуация сложилась неблагоприятным образом, и Великобритания была бы завоевана, недовольство парламента было бы

³ Daily Telegraph, 12 February 2002

для него меньшим из зол.) Эта книга изучает добрые приемы по завоеванию доверию, а также злые, предпринимаемые его противником.

Классический пример лидерства

В истории немало примеров, доказывающих, что лидерам нетрудно найти людей, готовых умирать за них; гораздо сложнее найти тех, кто готов за них умереть. Люди, воспитанные в современных, атеистическо-христианских странах Запада, как правило, обычно требуют хотя бы минимальную гарантию выживания, но при этом в военное время добровольно участвуют в операциях или поступают в войска с ужасающе низким процентом выживаемости. В пьесе Шекспира выбор, предлагаемый Генрихом V солдатам, был: или вложиться в брешь в обороне Арфлера, или «трусами своих всю брешь завалим». Так и в обеих мировых войнах в XX в. люди были готовы смириться с колоссальными потерями, особенно среди пехотного офицерского состава во время Первой мировой войны и в бомбардировочной авиации во время Второй мировой. Это была благородная жертвенность, обратную сторону которой мир увидел 11 сентября 2001 г.

Когда Осама Бен Ладен призывал своих последователей стать смертниками, он использовал методы, которые, в сущности, ничем не отличались от тех, которые применяли средневековые ассасины или Махди и Халифа в Судане в 1880–1890-х гг. Они также очень напоминают техники подготовки японских *камикадзе* в 1944–1945 гг. Черчилль, воевавший с Халифой и присутствовавший при окончательном разгроме

его армии в Омдурмане в 1898 г., немедленно распознал бы в Осае типаж, который (в совершенно другом контексте) он назвал «факиром хорошо известного на Востоке типа». Природа подобного харизматичного псевдорелигиозного лидера – примером которого также может служить основатель религиозной общины Джим Джонс, убедивший более девяти-сот человек совершить самоубийство в Гайане в 1978 г., – на первый взгляд лежит за гранью современного западного понимания. Григорий Распутин и некоторые из предводителей первых Крестовых походов относятся к тому же типу, как и Гитлер, и если мы хотим победить угрозу, нависшую над Западом, нам следует разобраться в этом феномене.

Если природа лидерства Бен Ладена, в том что касается его высказываний и источников возникновения, по сути является гитлеровской, а Джордж Буш-младший и его старшие советники обращаются в поисках вдохновения к Черчиллю, не может ли война с терроризмом с полным основанием считаться продолжением Второй мировой войны? Я полагаю, такое вполне возможно, и противопоставление харизматичной техники Гитлера и поистине вдохновляющей техники Черчилля станет одной из центральных тем этой книги. Поскольку любой, кто интересуется историей и имеет склонность к ораторству, может вызубрить почти наизусть секреты обоих лидерских типов и использовать их с выгодой для себя.

Алан Буллок в написанной им книге о биографиях Адоль-

фа Гитлера и Иосифа Сталина, озаглавленной «Параллельные жизни», продемонстрировал, какое количество тоталитарных техник, использовавшихся нацистами, было позаимствовано у большевиков. Несомненно, дьявольский, хотя и бесспорный, талант Альберта Шпеера, Йозефа Геббельса и кинорежиссера Лени Рифеншталь делали нацистские сборища куда более впечатляющими, нежели парады на Красной площади, столь любимые советским Политбюро, но получившее широкое развитие при обоих режимах искусство организации массовых мероприятий мало чем отличалось от постановки эстрадного шоу с использованием микрофонов, световых эффектов, дыма и зеркал.

В красивом, тонко критикующем диктаторские приемы голливудском фильме 1939 г. «Волшебник страны Оз» прежде ужасный чародей оказывается обманщиком-коротышкой, прячущимся за внушительным фасадом и дергающим за рычаги, извергая таким образом огонь и издавая свирепые звуки. Создатели фильма хотели сказать, что Гитлер, Сталин, Муссолини и Франко на поверку оказались бы такими же шарлатанами, если бы у западных демократий хватило смелости, добропорядочности и ума дать им отпор. Несмотря на все, что мы знаем о личной неадекватности этих диктаторов, они ответственны за массовое истребление такого громадного количества невинных людей, что двадцатый век навсегда останется «Веком бесчестия»⁴, как его назвал один

⁴ *Johnson, Napoleon*, p. 193

из выдающихся историков. В реальной жизни вместо того, чтобы вернуться на воздушном шаре обратно в Канзас, волшебник должен был бы расстрелять Страшила, Железного Дровосека, Трусливого Льва и Дороти (да и Тотошку в придачу).

«Не может человек более печальным образом засвидетельствовать свое собственное ничтожество, как выказывая неверие в великого человека», – писал Томас Карлейль в книге «О героях и героическом в истории», но не является ли обратное утверждение более правдивым? Нет ли пафоса в нашем постоянном поиске лидера, когда мы сами еще не научились как следует быть разумными последователями, скептически относящимися к наделению сверхчеловеческими качествами людей, которые, как нам прекрасно известно, всего лишь создания из плоти из крови, как и мы сами? Зрелая демократия должна испытывать отвращение к подобным периодическим приступам возвеличивания героев, как зрелая женщина испытывает смущение по поводу своей подростковой влюбленности в капитана школьной команды по лакроссу. «Одна из самых универсальных потребностей нашего времени, – писал американский политолог Джеймс МакГрегор Бёрнс, – это потребность в сильном и незаурядном лидере». Это стремление, которое снова и снова приводит к катастрофе, как это случилось с Францией, нуждавшейся в таком лидере, как Наполеон, в 1799 г., Россией, обратившейся к Ленину в 1917 г. и усугубившей свою

ошибку, менее чем через десять лет сменив его на Сталина, а за Гитлера в 1932 г. голосовало не меньше 13 миллионов немцев. «Нас больше не обманут», – пели «The Who» в одноименной политической песне. Но мы даем себя обмануть снова и снова.

Как подчеркивал последний и самый правдивый биограф Гитлера сэр Йан Кершоу в своей книге «Миф Гитлера» (1987 г.): «Готовность возложить все надежды на “лидера”, в лице “сильного человека”, сама по себе, конечно, не была необычна для Германии. Поддержка со стороны запуганной элиты и подчинение жаждущих сильного лидера масс, которым зачастую становится некая “харизматичная” личность, возникала (и до сих пор возникает) во многих обществах, в которых слабая плюралистическая система неспособна разрешить глубокие политические и идеологические разногласия и осознает, что оказалась в состоянии тяжелого кризиса». По мнению Карлейля, прославление лидера «великими людьми» далеко не всегда является показателем значимости – или отсутствия ничтожности, а может быть просто одним из признаков страны Третьего мира.

Анархистские и некоторые современные либертарианские философы с уверенностью утверждают, что основной проблемой является существование идеи лидерства само по себе, по крайней мере, в национальном масштабе. Против нее протестуют и антиглобалисты, нападающие на любой город, который оказывается достаточно смелым (или безрассуд-

ным), чтобы принять у себя саммит мировых лидеров». Если бы человечество было способно организовать себя таким образом, чтобы один человек не мог обладать абсолютной властью над сотней других, говорят они, мы жили бы лучше. Так же как истинные марксисты верят, что государство «отмерло» бы после краха капитализма в результате внутренних противоречий, так и анархисты, например, Пьер Прудон и Михаил Бакунин, утверждали, что однажды сама потребность в политических лидерах отпадет совсем. Хотя это утверждение в послевоенные годы получило некоторое подтверждение, особенно в Америке в 1960-х – начале 1970-х гг., оно по-прежнему является утопией.

Достаточно беглого взгляда на современный мир, чтобы увидеть, что повсеместное присутствие и визуальная доступность «мировых лидеров» являются сегодня, возможно, даже более заметными, чем когда-либо после 1945 г. Лидеры в общественном сознании стали олицетворять свои государства и даже в эпоху европейской интеграции привлекают к себе гораздо больше общественного внимания, чем можно было бы предположить каких-нибудь тридцать лет назад. Не похоже, чтобы в ближайшем будущем сила, под воздействием которой увеличилась значимость мировых лидеров – но необязательно их действительное могущество пошла на убыль. Это происходит в основном благодаря стремительному развитию информационных технологий, в результате которого, все больше людей в большем количестве мест мо-

гут гораздо быстрее узнавать о большем количестве событий, происходящих в настоящий момент. Будучи главными представителями своих стран, политические лидеры в полной мере используют все преимущества этого развития, чтобы повысить свою общую заметность.

Отнюдь не подразумевая, что мы более внимательно рассматриваем каждый вопрос, с тем чтобы более аргументированно обсуждать то, что происходит, революция в сфере коммуникаций и информации означает, что мы в растерянности передаем все больше и больше обязанностей по принятию решений нашим лидерам. В 2002 г. индийско-пакистанские переговоры по Кашмиру в международных средствах массовой информации свелись к разногласиям между премьер-министром Ваджпай и президентом Мушаррафом, а вопрос о том, убит или все еще жив Осам Бен Ладен, был сочтен более важным, чем освобождение Афганистана от власти талибов. В 1780 г. премьер-министр вигов Джон Даннинг внес в Палату общин предложение, которое звучало следующим образом: «влияние короля усилилось, продолжает усиливаться и должно быть ослаблено». То же самое сегодня можно сказать о влиянии мировых лидеров.

Лидеры, по-видимому, еще больше проникнут в нашу повседневную жизнь, поскольку политику проще всего делать с помощью средств массовой информации, и в этом смысле проще всего сконцентрироваться на каком-то одном лидере или еще лучше на двух противниках. Эта потребность при

общей тенденции обращаться фактически к самой интеллектуально неразвитой части электората – по крайней мере, среди тех, кто принимает участие в голосовании – неминуемо привела к общему снижению стандартов во всем, что касается речевого воздействия, – процесс, которому во многом способствуют сегодня сами политики.

Вот выдержка из речи Уильяма Гладстона, в которой он критикует представленный Бенджамином Дизраэли бюджет 1852 г. (а вместе с ним и все правительство тори):

Я с сожалением вспоминаю те дни, когда я был ближе ко многим моим почтенным друзьям, чем сейчас, и чувствую, что обязан использовать ту свободу слова, которую, я уверен, вы, как англичане, мне простите, и сказать вам, что если вы дадите свое согласие и разрешение на этот в высшей степени ошибочный и вредный закон, на котором основывается финансовая схема правительства, – вы можете не услышать мой призыв – то этим окажете поддержку канцлеру казначейства; но я верю, что придет день, когда вы вспомните это голосование – последствия которого рано или поздно проявятся – и испытаете горькое, но запоздалое и бесполезное раскаяние.⁵

Это, возможно, была одна из самых длинных речей «великого старца», но можете ли вы представить кого-нибудь из современных политиков произносящим что-нибудь подоб-

⁵ *Brian MacArthur* (ed.), *The Penguin Book of Historic Speeches*, 1995, pp. 300-1

ное? Безглагольные предложения из трех слов, умело подобранные цитаты, известные фразы из футбольных репортажей или мыльных опер – все это инструменты современной политической риторики.

Лексический запас политиков древности, включавший литературные и античные аллюзии, просто не подходит для современной жизни, поскольку снижение образовательных стандартов делает невозможным для большей части электората его понимание, даже если интеллектуальный уровень самого политика позволяет ему произносить речи нужного масштаба. Великий государственный деятель, один из лидеров партии вигов, лорд Брум говорил: «Образование помогает руководить людьми, но мешает манипулировать ими; помогает править, но не позволяет поработать». Страшно подумать, что может быть верно и обратное высказывание, о недостатке образования, которое вполне можно применить к избирателям ближайшего будущего.

Это не просто реакционный снобизм – я совсем не хочу быть похожим на принцессу Петипуа из романа Дизраэли «Конингсби», считавшую своим долгом «отомстить виновным в свержении династий и изгнании аристократии», – но факт остается фактом: Гладстон, Дизраэли, Розбери, Бальфур и лорд Солсбери рассматривали политику как процесс, способствующий прогрессу, и намеренно стремились к тому, чтобы в их речах образовательной составляющей было не меньше, чем убеждающей. Немногие политические лиде-

ры современности имеют столь же благую цель, а те, кто пытается сделать свои выступления поучительными, звучат педантично и самодовольно.

Теперь, когда, как и предсказывал Аристотель, демократия скатилась к демагогии, нет в мире более бесстыдной формы государства, чем абсолютная демократия, поскольку оно не способно допустить, что ее правитель, народ, может ошибаться. Сегодня политических лидеров обвиняют в социальных проблемах, которых при старых олигархиях практически не было. Наряду с этими обвинениями существует подсознательная уверенность в том, что государственным деятелям под силу изменить все, даже человеческую натуру. Это абсурдное предположение становится особенно очевидным во время встреч премьер-министра с народом, когда Тони Блэра периодически просят принять законы, которые в прежние времена по праву оставались священнослужителям, провозглашавшим их во время богослужения, или же, в некоторых случаях, доверяли святым с их божественным вмешательством. «Парламент может запросто издать закон о том, что все должны быть добрыми и хорошими, – писал лорд Солсбери в одной из своих статей для «Saturday Review» в 1860-х гг., – или что земное притяжение не должно больше заставлять мойщиков окон падать с подоконников, но вот воплотить его в жизнь будет куда сложнее».

Момент, в который современное политическое лидерство проявляется наиболее ярко в мирное время, наступает в

период избирательных кампаний, предшествующих всеобщим выборам. Он неприятен для всех и каждого, даже при условии ослабления чувства человеческой гордости и достоинства. Парламентские выборы 1992 г. в Великобритании в этом смысле продемонстрировали особенное падение этих добродетелей, когда прения сторон свелись к упрекам в «двойном» повышении налогов, а правительство обвинило оппозицию во лжи.

Что бы на это сказал сэр Макс Бирбом? Обратимся к его лекции 1943 г., посвященной Литтону Стрейчи: «Говорят, что наступил век «простого человека». Мне нравится думать, что утром 1 января 2000 г. люди станут свободными и смогут расцепить руки, подняться с колен и поискать другую, возможно, более разумную форму веры». Сейчас этот рубеж нами преодолен, и нет никаких признаков того коленапоклонения. Если Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Конец истории и последний человек» верно предсказал распространение социальной демократии во всем мире, то его уже и не будет.

«Войны народов будут намного ужасней, чем войны королей», – предупреждал Черчилль в своей речи в Палате общин, посвященной бюджету вооруженных сил в 1901 г. Поскольку, как он писал в своем романе «Саврола»: «Рыцарское благородство не входит в число добродетелей деятельной демократии»⁶. Черчилль, рыцарь демократии, обо-

⁶ Churchill, Savrola, p. 156

значил эту проблему, когда, туманным ноябрьским днем 1947 г., рисуя у себя в кабинете в поместье Чартвелл, задремал и увидел во сне своего отца. Возможно, судя по записанному им собственноручно рассказу об этом происшествии, это было видение: «Внезапно меня охватило странное чувство. Я обернулся с палитрой в руке и увидел в красном кожаном кресле с высокой спинкой отца», который вот уже пятьдесят два года как умер. В ходе «беседы» сын поведал отцу, являвшемуся создателем демократии тори, что: «После установления демократии нам осталось только воевать»⁷.

Демократия не только играла руководящую роль в самых кровавых войнах в истории человечества, но и была той целью, во имя которой велись некоторые из них, например, война во Вьетнаме и в Персидском заливе. Когда кто-то сражается за идею, а не за конкретный географический объект, например Силезию или Эльзас-Лотарингию, почти невозможно прийти к мирному соглашению. Войны за демократию становятся войнами не на жизнь, а на смерть; будучи современной светской религией, демократия требует безоговорочной капитуляции. Она презирает компромиссы подобно участникам восьми религиозных войн, которые раздирали Францию в период между 1562 и 1595 гг. Предъявляемое к Германии во время Второй мировой войны настойчивое требование о безоговорочной капитуляции привело к ее затягиванию, тогда как прежде, в восемнадцатом столе-

⁷ *Gilbert, Winston S. Churchill, vol. 8, p. 369*

тии, войны ограничивались династическими столкновениями, которые, как правило, исчерпывались, когда очередная провинция была захвачена и можно было подписывать мирный договор. Черчилль осознавал эту проблему и смог лишь предотвратить войну с франкистской Испанией, произнеся в Палате общин речь, в которой подчеркнул: «Следует делать различие между человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал...». Если бы «холодная война» 1946–1989 гг. перешла в прямое военное противостояние мировых супердержав, то оно, вероятно, окончилось бы только после массированного уничтожения сил противника, поскольку демократия, как выразился лорд Солсбери о воинствующем христианстве, сталкиваясь с решительным сопротивлением, теряет способность следовать по умеренному пути.

Живший в XIII в. сиенский священник Св. Пелегрино Лациози, исцеливший себя молитвой от болезни является покровителем желающих исцелиться от рака. Так что, возможно, он наблюдает за увеличением числа специалистов по связям с общественностью, вцепляющихся в британское политическое тело с тем, чтобы удержать лидеров, насколько это возможно, дальше от народа, который они возглавляют. Мистер Уортон в романе Э. Тrollope «Премьер-министр» представлял собой «тори старой школы, ненавидевшего компромиссы и в душе презиравшего класс политиков, для которых политика была скорее профессией, нежели мировоз-

зрением». Сегодня лидеры в Британии и Америке – любых партий – все больше и больше приходят в политику как в профессию, а не из искреннего чувства общественного долга, и все меньшее их число имеет свой «хинтерлэнд», современное сленговое обозначение интересов, лежащих вне политической сферы.

Этот процесс негативно сказался на руководящих качествах, поскольку современные политические деятели почти неспособны отказаться от принципиальных разногласий или мелких нарушений из-за того, что вся их жизнь заключена в политике. Когда в июле 1954 г. сэр Томас Дагдейл, министр сельского хозяйства в послевоенном правительстве Черчилля, подал в отставку из-за дела о принудительном отчуждении земли в Кричел Даун прежде, чем кто-либо заговорил об этом, и вернулся к традиционным сельским занятиям, едва ли он испытывал сожаления по поводу своей испорченной карьеры. Сегодня министры держатся за свои места, пока над ними не нависает угроза отставки. Это один из наименее поучительных примеров в политике, подрывающих уважение народа к своим лидерам.

Не будем утверждать, что в прошлом лидеры были менее амбициозны, чем сейчас, поскольку это не так. Как писал в своей биографии британский премьер-министр лорд Розбери о своем друге и политическом противнике лорде Рэндольфе Черчилле: «Честолюбец, способный без раздражения наблюдать за возвышением или успехом кого-то из его совре-

менников, встречается намного реже, чем черный лебедь»⁸. Легко говорить, что лидеры прошлого понимали, когда их время заканчивалось, и уходили, что совсем не свойственно таким политикам, как Дэвид Меллор и Стивен Байерс, которые расставались со своими креслами долго и мучительно. В пятом веке до нашей эры Конфуций сказал: «Нет зрелища более приятного, чем видеть, как старый друг падает с высокой крыши», но тайное злорадство, которое затянувшаяся отставка этих двоих породила во многих политиках – особенно в членах их собственных партий, не могло не вызвать отвращения в обществе.

Политики долго шли к тому, чтобы начать ценить высокие должности сами по себе, независимо от того, к чему это могло привести. Когда в июле 1834 г. лорд Мельбурн раздумывал над тем, стоит ли принять предложенный королем Вильгельмом IV пост премьер-министра, его личный секретарь Том Янг, известный своими откровенными высказываниями, воскликнул: «Да черт возьми, ни один грек или римлянин не занимал такой должности; и даже если вы пробудете премьер-министром Англии всего три месяца, это того стоит». «Ей-богу, это правда, – ответил Мельбурн, – я соглашусь». Так он и сделал и пробыл премьер-министром без малого семь лет. Честолюбие само по себе неплохое качество для лидера, пока оно является дополнением к истинному таланту, как это было в случае с Мельбурном. Но как ото-

⁸ *Rosebery*, Lord Randolph Churchill, p. 81

звался бывший казначей партии тори Алистер Макалпайн о Консервативной партии Джона Мейджора: «В жизни честолюбивых людей нет места ни сантиментам, ни каким-либо принципам».

Джон Адаир, который первым в мире занялся изучением лидерства, кратко сформулировал важность времени и места для появления лидера, сказав: «Трудно быть великим лидером в Люксембурге в мирное время». Чтобы достигнуть высших вершин власти, Наполеону понадобился террор, Цезарю – галльские войны, а Черчиллю – фашисты. (Что касается Черчилля, то тут нужно сказать, что даже если бы он умер в апреле 1940 г., не успев занять пост премьер-министра, то все равно считался бы одной из значительных фигур в политике двадцатого века.) Один из персонажей романа Э. Н. Уилсона «Хроники Лампита» кратко подчеркивает важность благоприятного с точки зрения истории стечения обстоятельств, когда оглядывается на свою растраченную понапрасну жизнь: «Я никогда ничего не «делал»: после Суэца трудно представить, чтобы кто-нибудь что-нибудь делал, даже обладай он моральной стойкостью основоположников империи»⁹. Энох Пауэлл лучше всего сформулировал это почти нигилистическое с точки зрения политики чувство, когда после Суэца утверждал, что империя лишилась смысла и что Содружество наций не является ее логической заменой.

В 1927 г. американский журналист Хейвуд Броун писал,

⁹ A. N. Wilson, *Watch in the Night*, p. 32

что как «любое убеждение начинается как каприз, так и каждый освободитель делает свои первые шаги как эксцентричный чудак. Фанатик — это великий лидер, только входящий в комнату»¹⁰. Лидеры могут появиться прежде, чем наступило их время, и если мир не готов к их появлению, они будут забыты, и неважно, какими харизматичными или вдохновляющими они могли бы стать. Лидерам нужен собственный Иоанн Креститель больше, чем они сами, их сторонники или история готовы признать. Оливеру Кромвелю нужен был Джон Пим, генерал Франко нуждался в генерале Мола, Гамаль Абдель Насер зависел от генерала Нагиба, а Рональду Рейгану, чтобы проложить путь к власти, понадобился Барри Голдуотер. У Тони Блэра имелось сразу два Иоанна Крестителя — что было невиданной роскошью: Нил Киннок и Джон Смит, благодаря чему его идеи становились более привлекательными, а путь более гладким.

Исполняющему роль Святого Иоанна часто приходилось тяжело, так же как и самому Крестителю. Они редко получали заслуженное признание и зачастую напоминали аббатису дель Пилар из романа Торнтона Уайлдера, которая «была из тех людей, кто позволяет загубить свою жизнь, влюбившись в идею... прежде, чем она займет свое место в истории». «Тот, кто опережает свое время», часто является не политиком, а интеллектуалом, чьи мысли позволяют лидеру говорить и делать то, что даже на полпоколения раньше

¹⁰ New York World, 6 February 1928

казалось невозможным. Маргарет Тэтчер, например, нуждалась в экономических теориях Фридриха фон Хайека, Мильтона Фридмана, сэра Кита Джозефа и Эноха Пауэлла, получивших широкое распространение перед началом осуществления в 1980-х гг. реформ, направленных на создание свободного рынка. Она не скупилась на выражение признательности за эти интеллектуальные одолжения, но часто лидерам нравится делать вид, будто они являются единственными авторами своих идеологий. Как высказался Гейне в «Истории религии и философии в Германии»: «Имейте это в виду, вы, гордые люди действия. Вы не больше, чем подсознательные подручные людей мысли... Максимилиан Робеспьер всего лишь рука Жан-Жака Руссо, кровавая рука, вырвавшая из утробы Времени тело, для которого Руссо создал душу». Ни Гитлеру, ни Черчиллю не предшествовало появление Иоанна Крестителя; они не были ничьими подсознательными помощниками.

Гитлер и Черчилль: их актуальная значимость

Чтобы оценить непрекращающееся воздействие, которое Вторая мировая война оказывает на нас, я собрал вырезки из печатных изданий за две недели марта 2000 г. (отрезок времени был выбран наугад), вырезая все, что имело отношение к шестилетнему периоду, закончившемуся 55 лет назад. В течение этих 14 дней в Израиле опубликовали дневники Адольфа Эйхмана; в ходе судебного процесса Дэвид Ирвинг против Деборы Липшадт и «Penguin Books» по делу об обвинении в клевете в отношении Холокоста начались заключительные слушания сторон; потенциальный австрийский фюрер Йорг Хайдер в конце концов с большой неохотой назвал Гитлера самым большим злодеем прошедшего столетия, — место, которое он до сих пор берег для Черчилля и Сталина; прозвучало предложение установить на пустующем четвертом постаменте на Трафальгарской площади скульптурную композицию «Женщины на войне»; требования по возмещению или реституции предметов искусства, захваченных нацистами, были оценены в сумму от 800 миллионов до 2,5 миллиарда фунтов стерлингов; сообщалось, что 97-летняя Лени Рифеншталь выжила при крушении вертолета в Судане и что в биографическом фильме ее будет играть Джоди Фостер; сделанные от руки записи одной из речей Гитлера, произне-

сенных им в рейхстаге в 1939 г., на аукционе были оценены в 11 800 фунтов стерлингов; Невиль Лоуренс, отец убитого темнокожего подростка Стивена Лоуренса, сравнил условия, с которыми сталкиваются в Британии черные подростки, с теми, в которых жила Анна Франк; человек в костюме Гитлера был задержан при попытке проникнуть на бал в Венской опере; появилось пять некрологов, сообщающих о кончине Гарольда Хобдея, пробравшегося на плотину на реке Эдер с «прыгающей» бомбой, и Доминика Брюса, офицера ВВС Великобритании, совершившего не менее 70 попыток сбежать из немецких лагерей для военнопленных, в том числе Колдица; большой интерес СМИ вызвала относящаяся к военному времени переписка королевы-матери, касавшаяся герцога и герцогини Виндзорских; был опубликован план нацистского вторжения в Британию, разработанный в 1940 г. генералом СС Вальтером Шелленбергом, который включал список 2820 лиц, подлежащих аресту. Таким образом, тема Второй мировой войны, даже спустя более полувека с момента ее окончания, продолжала почти ежедневно мелькать в заголовках.

Отчасти это объясняется тем, что 1939–1945 гг., и особенно отрезок с июня 1940 по июнь 1941 гг., играет важнейшую роль в процессе самосознания Британии как нации. В нем есть аспекты, привлекательные как для правых, так и для левых. Для правых эти 386 дней, когда мы «были одни», пускай и при бесценной поддержке со стороны Британской

империи и Содружества, означают высшее выражение суверенитета, доказывающее неоценимые преимущества национальной независимости.

Для левых это было время, когда фашизм, как идея, а не просто как государства Германия и Италия, был побежден силами демократии, представленными, как ее окрестил Черчилль, «Большой коалицией», куда входила и Лейбористская партия Клементы Эттли. Майкл Фут однажды сказал, что 1940 г. был слишком значимым символом, чтобы позволить правым присвоить его себе, и это отчасти так, поскольку обе стороны политического спектра черпают идеологическую поддержку в событиях этого года, наш великий *annus mirabilis* продолжает оставаться столь мощным тотемом. Как писала «Times» в передовице 5 июня 1990 г.: «Многие страны отмечают день, когда была завоевана их независимость или свергнут *ancient régime*. Чего нельзя сказать о Британии, стране, не имеющей собственного национального дня... Британия хранит в памяти национальный год... В их [британцев] сознании символы 1940 г. неразделимы с символами Британии».

В Восточной Африке есть племя, в котором основной обязанностью колдуна является предугадывать, что прежний великий вождь предпринял бы в тех или иных обстоятельствах, и обе стороны, участвующие в дебатах по поводу степени интеграции Британии в Европейский союз, черпают огромное вдохновение, обращаясь к Уинстону Черчиллю.

Сторонники федерализации Европы, скажем, Майкл Хезелтайн, любят цитировать Черчилля, который якобы поддерживал идею европейского союза, забывая при этом добавить, что в действительности этот лидер военной эпохи был против того, чтобы Британия становилась его участником. Сэр Эдвард Хит также с удовольствием размышляет о том, что объединение континентальной Европы нужно для того, чтобы не допустить в будущем повторения войн наподобие тех, в которых участвовал он сам. Точно так же и те, кто выступает против Маастрихтского договора о создании Европейского союза, например, член британского парламента Билл Кэш и историк Норман Стоун – отцы обоих погибли на войне, – напоминают о катастрофических последствиях, к которым могут привести попытки заставить Британию вступить в него против ее доброй воли.

В поисках причин, по которым британцы гордятся своей родиной, всегда необходимо возвращаться к 1940–1941 гг. Есть множество вещей, которые они действительно делают очень хорошо, но всегда найдутся другие страны, в которых то же самое делают еще лучше. Трудно представить, что британцы гордятся своей страной церемониальных торжеств, автогонок, поп-индустрии или создания Государственной службы здравоохранения, хотя бы потому, что в Германии государственная система медицинского страхования появилась гораздо раньше. Должно быть нечто большее, и для многих это нечто то, что Британия совершила более 60 лет на-

зад. В отличие от другой супердержавы, Британская империя находилась на поле битвы с самого начала – за исключением первых двух дней немецкого вторжения в Польшу – и до момента, когда День победы над Японией возвестил об окончании войны, и это повод для огромной и вполне заслуженной гордости.

Эмоциональное напряжение, порожденное годами войны, было настолько сильным, что все, происходящее впоследствии, автоматически воспринималось как нечто менее значимое, менее ужасное, менее внушительное. Послевоенный период в Британии неизбежно стал постгероической эпохой. Британия 1970-х гг. Гарольда Вильсона, Эдварда Хита и Джереми Торпа не смела даже надеяться сравниться по очарованию и романтике с Британией Черчилля, Идена и Монтгомери начала 1940-х гг. Но, несмотря на все тяготы, обрушивавшиеся на послевоенную Британию: развал империи, периодическая девальвация фунта стерлингов, массовый приток иммигрантов из стран Нового Содружества, Суэцкий кризис, обращение в Международный валютный фонд, проблемы с British Leyland и «зима недовольства» 1978–1979 гг. – память о событиях 1940–1941 гг. всегда служила утешением и напоминанием о величии нации.

Многие государства переживали «золотой век», в определенный момент играя ключевую роль в истории и притягивая к себя взгляды всего мира. Главной трагедией нашего, послевоенного, поколения является то, что звездный час

Британии пробил совсем недавно. Понимание того, что шансов вновь пережить то героическое время нет никаких, почти неизбежно ведет к нигилизму. Точно так же, как греки до сих пор гордятся славой, которую Афины снискали в V в., французы испытывают восторг, когда смотрят на Триумфальную арку (хотя она и символизирует победы в битвах, которые Франция на самом деле проиграла), американцы чтут отцов-основателей, а монголы благоговеют (вопреки строгому распоряжению правительства) перед памятью Чингисхана, так и мы не в состоянии забыть год, в который, как писал Т. С. Эллиот в своей поэме 1941 г. «Литтл Гиддинг», «История ныне и Англия».

Мало что говорит о том, что интерес к войне снижается только из-за того, что ее участники покидают сцену, так же как интерес к Парфенону в Греции, Наполеону во Франции или конституции в Америке не исчез со смертью главных действующих лиц и творцов. В первой четверти XXI в. нам предстоит наблюдать, как покидают поле битвы – теперь уже навсегда – ветераны Второй мировой войны, но восхищение их подвигом не умрет вместе с ними. Еще долго после того, как все личные связи прервутся, персонажи, события и уроки 1939–1945 гг. будут храниться в памяти будущих поколений. Возобновление традиции двухминутного молчания в День перемирия свидетельствует о возрождении интереса и уважения к тому времени. Когда я рассказываю о войне в школах, учителя неизменно отмечают, что этот историче-

ский период, безусловно, вызывает наибольший интерес их учеников.

Некоторые полагают, что одержимость британцев войной является проявлением инфантильности и даже вредит процессу формирования Британии как нормального европейского государства. Они утверждают, что раны уже за жили и открываются, только когда на международных футбольных матчах хулиганы начинают петь на мотив «The Dambusters “March”» песни ксенофобного содержания. Хотя заголовки, пестревшие на страницах газет в те две недели в марте 2000 г., должны были бы их урезонить. Как писал в своей поэме Т. С. Элиот:

«Мы умираем с теми, кто умирает; глядите —
Они уходят и нас уводят с собой.
Мы рождаемся с теми, кто умер: глядите —
Они приходят и нас приводят с собой».

Требуют ли евреи через суд компенсации от швейцарских банков, преклоняются ли американские школьники перед Гитлером, а потом развязывают террор в колумбийской средней школе, или зрители толпами валят на такие фильмы Спилберга, как «Список Шиндлера» или «Спасти рядового Райана», эхо войны с гитлеризмом будет раздаваться вновь и вновь, и сегодня мы, вероятно, даже не можем предугадать, каким именно образом оно проявится в будущем.

Многие факторы привели к окончательной победе союзников и поражению Германии во Второй мировой войне: не в последнюю очередь благодаря огромному преимуществу в численности и материальном обеспечении. Но лидерские качества Гитлера и Черчилля также сыграли в этом важную роль. Уроки, которые мы можем извлечь из их поведения в период между 1939 и 1945 гг., помогут нам правильно подойти к решению куда менее значительных проблем нашего времени. Какие секреты лидерства Гитлер использовал, чтобы загипнотизировать целый народ? Если сегодня мы видим его насквозь, что в свое время помешало немцам увидеть истинное лицо своего лидера? Почему предостережения его главного оппонента, Уинстона Черчилля, когда тот точно предсказывал следующий шаг Гитлера, не были услышаны? Он почти всегда оказывался прав, и эта Фемистоклова способность предвидения является квинтэссенцией лидерства. В отличие от Гитлера Черчилль учился быть лидером с самого рождения, хотя и получил возможность на деле продемонстрировать свои лидерские качества, только когда чуть не стало слишком поздно. Почему?

Я полагаю, что нам необходимо понять, как именно работает механизм лидерства, как он используется и почему так часто это делается неправильно. Нам нужно не только

узнать, что делает кого-то хорошим лидером, но и научиться разгадывать те трюки, к которым прибегают лидеры, чтобы заручиться нашим доверием и поддержкой. Необходимо научиться распознавать будущих фюреров, поскольку в одном можно быть уверенными наверняка: в следующий раз они точно не явятся к нам в пресловутых высоких сапогах и с повязкой на рукаве.

Гитлер и Черчилль к 1939

Вы знаете, что я могу казаться очень свирепым, но я свиреп только по отношению к одному человеку – Гитлеру.

Слова Черчилля, обращенные к его личному секретарю Джону Мартину

Все мы видели кадры кинохроники, на которых восторженные толпы приветствуют Гитлера во время его многочисленных поездок по Третьему рейху в 1930-х гг. Конечно, все это постановочные съемки, но обожание на лицах обычных немцев было как правило совершенно искренним. Как мог такой непривлекательный субъект – с его абсурдными усиками, скрипучим голосом и выпученными глазами – вызывать столь фанатичную преданность?

Почти не встречавшийся прежде, кроме как в религиозном контексте, феномен Адольфа Гитлера заставлял вполне здравомыслящих людей подавлять деятельность той части мозга, которая отвечает за рациональность мышления. Министр обороны Германии фельдмаршал Вернер фон Бломберг заявлял, что сердечное рукопожатие фюрера могло излечить его от насморка. Фельдмаршал Герман Геринг рассказывал: «Если Гитлер говорил вам, что вы женщина, вы покидали здание уверенным, что так и есть». Существует бесчисленное количество примеров того, как разумные лю-

ди — как мужчины, так и женщины — попадали под очарование Гитлера. Один из его старших офицеров, генерал Вальтер Варлимонт, вспоминал, что «едва ли кто-то из крупных командующих фронтом, вызванных в штаб для доклада, был способен не прийти в трепет в присутствии Гитлера»¹¹.

Черчилль, наоборот, казалось, никогда не имел подобной, почти мистической, власти над другими людьми. Если Гитлер обладал харизмой, то у Черчилля она отсутствовала. Почему же Гитлер вызывал больший трепет и восхищение, нежели Черчилль? И почему, несмотря на это, Черчилль в конце концов оказался более успешным лидером? Что сделало Гитлера и Черчилля лидерами, и какие особые навыки и приемы они использовали, чтобы заставить миллионы людей следовать за ними?

Попытки сравнить Гитлера и Черчилля предпринимались неоднократно. Как выразился один из историков семьи Черчилль Джон Пирсон:

Во многих отношениях, как неприятно это ни звучит, Черчилль и Гитлер были похожи. Оба были жестокими людьми, стремящимися к военному превосходству и свято уверенными в собственном особом предназначении. Оба были самоучками, ярыми националистами и вели себя крайне агрессивно по отношению к оппозиции. К тому же оба были чрезвычайно эгоцентричны,

¹¹ Warlimont, Inside Hitler's Headquarters, p. x

являлись превосходными ораторами, подлинными актерами и завораживающими рассказчиками, без труда способными повелевать теми, кто оказался во власти их чар. Оба ... [находили] отдохновение в занятиях живописью, мысленных монологах и ночных просмотрах любимых кинофильмов. Их сверхъестественное сходство проявилось даже в том, что они оба описали свой путь к власти в своих чрезвычайно автобиографичных сочинениях, Черчилль в [романе] «Саврола», а Гитлер в «Mein Kampf» («Моя борьба»)¹².

К сожалению, все полезные наблюдения, которые могли содержаться в этом отрывке, сводились на нет, когда автор переходил к утверждению, что Черчилль на пути к власти «вполне мог бы» действовать точно так же, как Гитлер, тогда как сама мысль о Черчилле, прокладывающем дорогу к своей «бабочке» в горошек через реки крови своих политических врагов, представляется абсурдной. Самые могущественные лидеры – и, конечно, не только Гитлер и Черчилль – это «эгоцентричные натуры», ведущие себя «крайне агрессивно по отношению к оппозиции», но там, где Черчилль разбивал своих противников в пух и прах в словесных дебатах и побеждал их, набирая большинство голосов в парламенте, Гитлер расстреливал оппонентов в «ночь длинных ножей», а от остальных избавлялся, отправляя их в Дахау и другие концлагеря. Черчилль никогда бы не подумал при-

¹² *Pearson, Citadel of the Heart, p. 243*

бегать к подобным методам, даже если бы в его собственной стране возникла та напряженная обстановка, которая царила в Германии в 1920-х гг. Да, в 1940 г. он действительно отправлял британцев в лагеря согласно директиве 18В, но он всегда считал это, по его же собственным словам, «в высшей степени гнусным» и отдал приказ об освобождении, как только позволила обстановка. Он собирался использовать газ, когда – и если – немцы вторгнутся на территорию Британских островов, но не как средство геноцида в отношении гражданского населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.